

УДК 32+316.48

**МНОГОУРОВНЕВЫЙ КРИЗИС
В ВЕНЕСУЭЛЕ – ХАРАКТЕР,
ПРИЧИНЫ, ТЕХНОЛОГИИ, СМЫСЛЫ.
ПОКАЗАТЕЛЬНОСТЬ СОБЫТИЙ
В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ****MULTILEVEL CRISIS IN VENEZUELA
– NATURE, CAUSES, TECHNOLOGIES,
MEANINGS. INDICATIVE EVENTS
IN THE CONTEXT OF PERSPECTIVES****БАГАТОРІВНЕВА КРИЗА В ВЕНЕСУЕЛІ
– ХАРАКТЕР, ПРИЧИНИ, ТЕХНОЛОГІЇ,
СМИСЛИ. ПОКАЗОВІСТЬ ПОДІЙ
В КОНТЕКСТІ ПЕРСПЕКТИВ****Барабаш О. В.,**

кандидат философских наук, доцент,
докторант, Харьковский Национальный
педагогический университет
им. Г. С. Сковороды (Харьков, Украина),
e-mail: oleg.v.barabash@gmail.com, ORCID:
http://orcid.org/0000-0001-8479-8926

Barabash O. V.,

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Doctoral Candidate, Kharkov National Pedagogical
University G. S. Skovorody (Kharkov, Ukraine),
e-mail: oleg.v.barabash@gmail.com, ORCID:
http://orcid.org/0000-0001-8479-8926

Барабаш О. В.,

кандидат философских наук, доцент,
докторант, Харківський Національний
педагогічний університет ім. Г. С. Сковороди
(Харків, Україна), e-mail: oleg.v.barabash@gmail.
com, ORCID: http://orcid.org/0000-0001-8479-8926

Рассматриваются истоки, сущность, характер протекания и уровни современного кризиса в Боливарианской Республике Венесуэла. Осуществлена попытка интеграции разнородных данных эмпирического, нормативного и институционального характера с учетом также, в рамках системного подхода, ценностно-ориентационных составляющих политической жизни в их историческом развитии, для выведения неких закономерностей и обобщений относительно кризисных явлений с последующим выходом на выделение ключевых факторов кризисности, ее масштаба и характера последствий. Подчеркнута значимость символизации политического процесса (политическая феноменология) и особенности социальной коммуникации в Венесуэле. Сделаны выводы – кризис в Венесуэле носит многоуровневый и показательный относительно сценария развития характер. Его уровни: национально-государственный, региональный, мировой. Содержательно он выражает ценностно-ориентационные противоречия, исходит из разного видения приоритетов развития, а его технологически-функциональные составляющие проявляют конфликт системности, уязвимость институциональности: в правовом измерении – использование и материального и процессуального права как ресурсов получения преимуществ в политической борьбе; политическом – неэффективность политической системы, неспособность политических акторов к результативному для всего общества взаимодействию. Обращается внимание, что этот кризис – это еще и современный кризис консенсусности с перспективой апробации конфронтационных сценариев противостояний при увеличении значимости фактора внешней легитимации власти и переструктурировании системы мировых легитимационных центров.

Ключевые слова: Боливарианская Республика Венесуэла, многоуровневый кризис, Венесуэла как средоточие конфронтационных линий современности и центр мировой перспективы в разрешении/усугублении конфликта, пути либерализма, демократия, авторитарный дрейф, переструктурирование мировых центров легитимации власти.

The article discusses the origins, nature, course and levels of the current crisis in the Bolivarian Republic of Venezuela. An attempt has been made to

integrate heterogeneous data of an empirical, regulatory and institutional nature, taking into account also, within the framework of a system approach, the value-orientation components of political life in their historical development, to derive some regularities and generalizations about crisis phenomena, then scale and nature of the consequences. The importance of symbolization of the political process (political phenomenology) and features of social communication in Venezuela are underlined. Conclusions are made – The crisis in Venezuela is multilevel and indicative of the development scenario. Its levels: national-state, regional, global. Substantively, he expresses value-orientational contradictions, proceeds from a different vision of development priorities, and its technological and functional components exhibit a systemic conflict, institutional vulnerability: in the legal dimension, use of both material and procedural law as resources for obtaining advantages in the political struggle; the political dimension – the ineffectiveness of the political system, the inability of political actors for effective interaction for the whole society. It is noted that this crisis is also a modern crisis of consensus with the prospect of testing confrontational scenarios of confrontations with an increase in the importance of the factor of external legitimization of power and the restructuring of the system of global legitimacy centers. As a separate problem – the manifestation of a request for the nature of the people's opposition to the authorities in the event that it fails to comply with the rules and obligations prescribed by law or the full usurpation of power and ignoring the will of the people. Attention is drawn to the fact that in connection with the development of events in Venezuela, the complex of issues related to understanding the relationship of liberalism and democracy and ways of representing populism in the modern world has also been actualized. New perspectives of the problematic – is not populism an almost inevitable phenomenon at the stage of transformation of liberalism into neoliberalism at the local-state level, but with a bid for a global trend.

Keywords: The Bolivarian Republic of Venezuela, a multi-level crisis, Venezuela as the focus of contemporary confrontational lines and the center of the world perspective in resolving / exacerbating the conflict, the path of liberalism, democracy, authoritarian drift, restructuring of the world centers of power legitimacy.

Розглядаються витоки, сутність, характер протікання і рівні сучасної кризи в Боліваріанській Республіці Венесуела. Здійснено спробу інтеграції різномірних даних емпіричного, нормативного та інституційного характеру з урахуванням також, в рамках системного підходу, ціннісно-орієнтаційних складових політичного життя в їх історичному розвитку, для виведення певних закономірностей і узагальнень щодо кризових явищ з наступним виходом на виділення ключових факторів кризовості, її масштабу і характеру наслідків. Підкреслено значущість символізації політичного процесу (політична феноменологія) і особливості соціальної комунікації в Венесуелі. Зроблено висновки – криза в Венесуелі носить багаторівневий і показовий щодо сценарію розвитку характер. Його рівні: національно-державний, регіональний, світовий. Змістовно він висловлює ціннісно-орієнтаційні протиріччя, виходить з різного бачення пріоритетів розвитку, а його технологічно-функціональні складові виявляють конфлікт системності, вразливість інституціональності: в правовому вимірі – використання і матеріального і процесуального права як ресурсів отримання переваг у політичній боротьбі; політичному – неефективність політичної системи, нездатність політичних акторів до результативного для всього суспільства взаємодії. Звертається увага, що ця криза – це ще і сучасна криза консенсусності з перспективою апробації конфронтаційних сценаріїв протистоянь при збільшенні значимості фактора зовнішньої легітимачії влади і переструктурування системи світових легітимачійні центрів.

Ключові слова: Боліваріанська Республіка Венесуела, багаторівнева криза, Венесуела як осередок конфронтаційних ліній сучасності і центр світової перспективи у вирішенні / посиленні конфлікту, шляхи лібералізму, демократія, авторитарний дрейф, переструктурування світових центрів легітимачії влади.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Постановка проблемы. Венесуэла, начиная с последнего десятилетия 20 века, во многом показательный пример для отслеживания как прогнозируемых в политологии процессов государственного, социально-общественного развития, так и разного рода аберраций заданных траекторий, тактически противоречивых корректировок курсов, стратегически неожиданных решений. В настоящий момент Боливарианская Республика Венесуэла – эпицентр внимания мировой общественности, пожалуй, главный newsmaker современности, равно как и источник

тревог. Разразившийся там кризис масштабен и симптоматичен во многих смыслах, а его характер, на наш взгляд, проявляет глубинные системные, структурно-функциональные проблемы сосуществования в рамках старых моделей государственного и межгосударственного форматирования, отражает запросы развития и смысловую динамику позиционирования будущего, поднимает вопросы о самих источниках проблемности в меняющемся мире и стратегиях преодоления болевых порогов современности, технологиях взаимодействия и разрешения конфликтности. Поэтому, весь комплекс вопросов, связанных с причинами, приведшими Венесуэлу к настоящему положению дел, сферы формирования и выражения кризиса, а также методы его разрешения – проблема, требующая, на наш взгляд, специального рассмотрения.

Анализ актуальных исследований и публикаций. Поскольку регион и Венесуэла – средоточие многих линий событийности, конфликтности, ряд публикаций и их научный интерес сосредоточены по-преимуществу на отдельных составляющих многоаспектных явлений, представлены достаточно узконаправленным профессиональным подходом. Среди отечественных авторов, выступления В. Ю. Карасева акцентированы на внимании к геополитическим процессам, их общей значимости и относительно возрастания роли внешних факторов в современных процессах легитимации и переструктурировании механизмов их центрирования. Научное внимание И. Д. Денисенко в большей мере направлено на исследование самой конфликтности, в широких контекстах современных дискуссий о характере конфликтов, их содержании и способах разрешения. Аналитический интерес Г. М. Куц сосредоточен на ходе ситуации под углом рассмотрения трансформаций политических режимов и общетеоретических аспектах самой проблемы их возможных траекторий. В публикациях В. П. Кириченко, І. Ю. Тумасова центральное место занимают особенности избирательного законодательства, партийных систем в регионе. Отметим и блок вопросов, позволяющих выйти на понимание ситуации в связи со спецификой экономического развития, системными связями в регионе – так З. Зозуляк исследует проблемы внутреннего развития и содержание латиноамериканского мультилатерализма. Из работ зарубежных авторов выделим авторов и блоки наиболее актуальной проблематики относительно Венесуэлы и всего региона – изучение в чем-то показательных процессов авторитарного дрейфа (*authoritarian drift*) в работах Kurt Weyland и, в том числе, с выходом на его связь с современным популизмом: Chantal Mouffe, Nadia Urbinati, William H. Riker, Yasha Mounk, Steven Levitsky and James Loxton, другие. Основаниями, параметрами и содержательными особенностями интеграционных процессов в регионе занимается П. П. Яковлев, анализ характерных показателей

его избирательных систем и явлений детально представлен в работах З. В. Ивановского, историко-многогранный подход и доскональное общее знание ситуации относительно именно Венесуэлы характерны для работ В. Я. Гельмана. Специфика истории региона во взаимосвязях политических явлений основательно представлены в работах Н. Н. Платошкина. Относительно современного мониторинга многих процессов в Венесуэле особенно выделим работы Э. С. Дабагына, в т.ч. в соавторстве с В. И. Булавиным и В. Л. Семеновым. Тем не менее, на наш взгляд, ввиду сложности и быстротечности процессов в Венесуэле, их многопараметровости, постановка вопроса о комплексном подходе в рассмотрении разных сфер событийности с сосредоточением на особенностях развития политических процессов и последующим выходом на возможность обобщений, прогностики – эта задача выглядит актуальной и по-прежнему открытой для решения.

Цели статьи, постановка задач. Целью статьи является рассмотрение и анализ современного кризиса в Венесуэле, выяснение его истоков, характера и уровней, установление в рамках системного подхода и с учетом ценностно-ориентационных составляющих политической жизни в их историческом развитии закономерностей ситуации. Осуществить обобщения относительно направленности кризисных явлений современности, с последующим выходом на возможность определения ключевых факторов и содержания кризисности, ее масштаба, характера последствий и, в исследовательской перспективе, способов разрешения конфликтности в их разном проявлении. В конечном итоге – выйти на общетеоретические выводы с проекциями социально-практического характера.

Изложение основного материала. На фоне других стран Латинской Америки, Карибского региона, именно Венесуэла длительное время рассматривалась как территория относительного спокойствия и благополучия.

С конца 50-х гг., после подписания так называемого *Punto fijo* – документа, который закреплял правила сосуществования местных элит, представленных политиками, бизнесом, чиновниками, профсоюзами, церковью и армией – начала формироваться система государственного управления, основы которой были закреплены в Конституции Венесуэлы (*Constitucion de la Republica de Venezuela*, 1961.) 1961 года. Ключевым политическим актором с широкими полномочиями становился Президент Венесуэлы, избираемый прямым, личным и всеобщим голосованием. Представители 3 наиболее распространенных на тот момент партий договорились об их слиянии в конечном итоге в 2 (*AD Acción Democrática* – Демократическое действие и *COPEI Partido Socialcristiano* – Христианско-демократическая партия) с последующим отстранением от участия в партийной жизни всех несогласных с таким курсом и подавлением внутренних оппозиций. Электоральное законодательство, установившее

выборы в парламент на пропорциональной основе, способствовало закреплению двухпартийной системы, что соответствует расхожему в политологии мнению – пропорциональная избирательная система, как правило, в конечном итоге приводит к становлению зрелой двухпартийности (партии в классическом понимании, не движенческие, не патронажного типа и т.д.). Эти 2 партии, в зависимости от результатов выборов, договаривались о распределении постов и властных ресурсов в парламенте, их представители периодически кооптировались президентом в исполнительную власть. Даже при своих широких полномочиях и в ситуациях, близких к критическим, президент не пытался единолично менять правила игры и устранять вето-акторов (например, Карлос Перес – предпочел в 1993 г. таким действиям подачу в отставку). В целом, страну если и не относили к качественным стабильным демократиям, то в соответствии с разными методами определяли её как ту, в которой существует гибридный режим с элементами демократического характера и неплохой перспективой дальнейшего развития в направлении именно демократии. Венесуэла до конца 80–х, как считалось, не самая отсталая экономика в регионе, более или менее, по местным меркам, нормальный уровень жизни и, в отличие от других стран (в разное время – Куба, Никарагуа, Эквадор, Чили, Сальвадор и др.), как норма – отсутствие в практике политической борьбы ярко выраженных тенденций к левому популизму, политическому мессианству или пылкой революционности. (Эти тенденции меняются при У. Чавесе постепенным оформлением идеи о «социализме нового типа», сопровождающиеся революционной риторикой, а с 2004 года и антиамериканизмом, который приобретает религиозно-экстатичный, поляризующий символами сознание оттенок – в 2006 году У. Чавес, выступая в ООН заявляет о том, что до него на трибуне стоял сам дьявол (в его представлении – Президент США Джорж Буш-младший), а он до сих пор чувствует запах серы – и с определением особой роли Венесуэлы в мировой истории.) 23 января каждого года Венесуэла отмечает национальный праздник, который символизирует освобождение от любого рода диктатур и призван подчеркивать демократический вектор развития.

Вплоть до 2006 год – уже президентство У. Чавеса – замеры уровня демократичности в Латинской Америке (Source: *Latinobarómetro 1996–2006*) определяли Венесуэлу как одну из лидеров среди стран региона по ряду параметров демократичности, хотя наблюдалась некоторая тенденция к трансформации политического режима в направлении авторитаризма, выраженного в т. наз. «электоральном авторитаризме» (показательна в этом смысле статья Хавьера Корралеса, в которой автор говорит о, возможно, появлении диктатуры нового типа, «конкурентной автократии» и пытается определить ее наиболее общие, характерные черты) [8, с. 74]. Тем не менее, только 2007 год, в

котором была предпринята попытка провести через всеобщий референдум поправки к Конституции, дававшие возможность Уго Чавесу продлевать президентские полномочия не ограничиваясь 2–мя сроками кряду (эти положения закреплены в Конституции Венесуэлы 1999 года) – в случае подобного волеизъявления народа и результата выборов – стал серьезно сигнализировать о развитии политических процессов в неожиданном направлении (утверждалась необходимость изменений системы государственного управления и институтов на пути к «социализму 21 века»). Словом, долгое время если и прогнозировали качественные прорывы развития в регионе, то Венесуэла в этом плане представлялась одним из наиболее возможных претендентов на успешность, а предвидения С. Хантингтона о волнах демократизации и последующих откатах к авторитаризму (окончание 3–ей волны и последующее ее затухание после 1991 года) настораживали, скорее, относительно авторитарно направленных траекторий развития других стран. Причем, этот дрейф к левому авторитаризму в начале 21 века стал особенно заметен именно в Латинской Америке [9, с. 56–57].

Когда Ларри Даймонд говорит о необходимости демократической солидарности, он, как правило, подчеркивает, что речь идет не только о взаимодействии демократий современности, но и пропаганде на всех уровнях преимуществ образа жизни в условиях демократии. [Ларри Даймонд про корінь проблем України <https://www.stryi.net.ua/larri-dajmond-korin-problem-ukrayiny-u-vidsutnosti-elity-virnij-suspilnomu-blagu-i-natsionalnomu-proektu/>]. Какое-то время среди ряда авторов считалось, что такие преимущества вполне очевидны (до появления ряда успешных авторитарных режимов). Казалось бы, Венесуэла, пройдя свой сложный путь переворотов, последующих диктатур, авторитарных режимов разного рода и имея возможности сравнения опыта жизни ряда других стран, должна была органично ступить на путь дальнейшей демократизации со всеми сопутствующими ему приобретениями в образе жизни. В чем причины того, что Венесуэла вместо следования «очевидным» путем проделывает непонятные со стороны «виражи» (даже привычная терминология – траектории политических режимов – применительно к ее случаю представляется не созвучной характеру событий) и оказывается в ситуации нынешних потрясений? К. Уэйланд, анализируя особенности развития Аргентины, Бразилии, Перу и Венесуэлы, отмечает, что стратегия реформирования, связанная с утверждением нелиберальных порядков, вылилась в странную конфигурацию – основной дисбаланс сформировался на пике дихотомии: восприятие начала реформ и степень готовности населения к ее последствиям (урезание социальных программ, социальное расслоение и т.д.). В Венесуэле попытки проведения реформ пришлось на фазу, которая предшествовала полномасштабному экономическому кризису, а

население стран, еще не испытывавших последствий гиперинфляции, оказалось морально не готовым к попаданию на территорию потерь – «domain of losses» [21, с. 75], что, на наш взгляд, также предопределило ход основных событий. Возможно, Венесуэла оказалась в ситуации противофазы доминирующим тенденциям и смыслам во многих отношениях, (причем в данном случае мы не исходим из оценочно–определенных суждений морального или теоретического характера – с этим еще нужно будет разбираться, когда будет доступна вся полнота информации относительно отдалившихся вглубь истории событий) с последующими заявками на лидерство развития, новизну, социально–политическую экспериментальность. В конечном итоге, уровни протекания различных процессов современности и их маршруты сошлись, на наш взгляд, в Венесуэле и, одновременно, показательно сформировали и особенности вызревания нынешнего кризиса и уровни его проявления. Исходя из всей суммы взаимосвязей факторов разного масштаба, попытаемся определить эти уровни, а также их содержательные основания:

1. Внутренние причины и факторы.

Начнем с того, что Венесуэла – страна, пребывающая в едином языковом пространстве (испанский язык), объединенная символическими полями, связанными, прежде всего с историей страны и особенной знаковой фигурой легендарного лидера, борца за независимость и государственность Симона Боливара (здесь наблюдается ревнивая конкурентность в борьбе за большую «причастность» к имени Боливара с Колумбией, Эквадором и даже с Боливией, Панамой). Более 70% населения метисы, 20% – белые, представлены незначительно и коренные народы – индейцы. Межрегиональных или уровня муниципий ментальных, языковых, этнических, каких–либо еще существенных противоречий нет.

Таким образом, на уровне кризисности, что связан с отражением внутренних линий проблемности, причины нынешней конфликтности нужно искать в сфере выстраивания правовой и политической систем, в особенностях функционирования суммы социально–экономических отношений, в самой модели развития Венесуэлы, специфике представленности и взаимодействия интересов групп наибольшего влияния, исторической подоплеке событий, а возможно, и в каких–то ментальных установках населения. Свою роль, по–видимому, играют и некие знаковые системы местного свойства, группы символов, мобилизующих и эмоционализирующих сознание масс и отражающихся на разных пластах объективации в бытийствовании и трансформациях реальности и институтов [12, с. 72].

Венесуэла – длительное время унитарное государство, ставшее федерацией относительно недавно – в правление Президента Переса. До начала 20 века упоминается в исторических источниках как аграрно–ориентированная страна (на гербе Венесуэлы – 20 колосков жита, оливковая

и пальмовая ветви, плоды, 2 рога изобилия), имеет выход к Атлантическому океану, необходимые ресурсы пресной воды (в условиях современных битв за воду – немаловажно), крупнейшие запасы нефти в мире (14–16% легкой, остальная – густая или тяжелая). В связи с началом активной разработки нефтяных месторождений в 20–х гг. 20 века определяется тенденция, которая в конечном итоге предопределила специфическую модель экономики Венесуэлы: ресурсозависимую, не склонную к новациям и конкурентным напряжениям. Стратегический её курс – увеличение добычи нефти при слабой заинтересованности в развитии «бесперспективного» (низкодоходного и трудозатратного) промышленного производства и постепенном свертывании сельхозпроизводства. Добыча и реализация нефти надолго станет основным ресурсом получения средств. Ранее ее продажа была ориентирована преимущественно на США, сейчас – прежде всего США, Китай, Куба (отметим активное участие России в освоении нефтяных месторождений: 2 из них самостоятельно – Роснефть – и еще 5 в долевых паях в составе совместных международных компаний). [Полный Альбац / Венесуэла: уроки для режима и оппозиции // 28.01.19 <https://www.youtube.com/watch?v=wxzAbs5HV4A>].

Специфическая, но во многом характерная для ряда богатых энергоресурсами стран направленность экономики, способствовала формированию состава и качества местных элит как сообществ получателей и держателей ренты, перераспределителей средств, а политический процесс в той или иной мере отражал борьбу за рентопроизводный экономический интерес.

Изначально политические институты задумывались и определялись законодательством Венесуэлы во многом по образцам принятым в США – с сильной президентской властью, двухпалатным парламентом, независимым судом – но со своими существенными отличиями (что, надеемся, станет предметом отдельной публикации). Модель государственного устройства на местной почве работала неоднозначно – Венесуэла переживала разного рода потрясения, периоды полной или частичной дестабилизации обстановки, перевороты и т.д. Конфликтность возникала всякий раз когда какой–то из участников процесса получения ресурсных благ пытался добиться лучшей позиции в конструкции рентополучателей и делал это прибегая к насилию, нестандартным политическим уловкам, деструктивным мерам, что рождало хаос и, в конечном итоге, приводило к потерям материального характера всех заинтересованных лиц. Поэтому столь важным для длительного социального спокойствия было подписание соглашения Punto fijo о котором уже шла речь, что установило правила сосуществования основных политических акторов. Немаловажно и то, что активным посредником, участником переговорного процесса выступали представители транснациональных корпораций (с центром в США) по добыче и переработке нефти. Все были заинтересованы в упорядочении

ситуации. И система начала работать. Особенно стабильно в условиях стабильной добычи нефти и при высоких мировых на нее ценах. Венесуэла даже могла позволить себе программы увеличения числа госслужащих при увеличении их зарплат, разработку и реализацию грандиозных по масштабам замыслов проектов – La Gran Venezuela и др.

Включенность в общемировые экономические процессы требовала проведения реформ в направлении либерализации на рубеже 80–90-х гг. со всеми вытекающими издержками социального характера. Венесуэла вошла в них с большими проблемами, вызванными перерасходом средств в предыдущие годы, а еще и попала в ту самую «яму» противофазы, когда тяжелая местная ситуация совпала с общемировым кризисом и падением цен на нефть в начале 90-х до 9 дол. за баррель, что в сумме оказалось катастрофически тяжело для страны – до 60% населения попали под параметры бедности уровня жизни.

На этом фоне появляется харизматичный лидер, который кардинально меняет ситуацию в Венесуэле, всерьез и надолго, во многих отношениях – Уго Чавес. Он приходит на волне поляризации общественных настроений и самого образа жизни, что выражается в: 1) радикализации настроения масс, 2) социальной стратификации вертикального характера с малочисленностью среднего класса как скрепляющего общество соединительного звена, 3) отрицание неэффективных институциональных основ прошлого и завышенные ожидания будущего. Особенности У. Чавеса как лидера, «диктатора нового типа» [Anatomy of Chavez Nov 10, 2006 Oscar R. Cardoso, Диктатор нового типа 23 мая 2006, 06:00 Хавьер Корралес <http://www.polit.ru/article/2006/05/23/korrales/> и другие публикации] исследованы в научной литературе достаточно всесторонне, поэтому мы обратим внимание только на отдельные его качества и действия, как показательные для Венесуэлы, так и приобретшие впоследствии некоторые оттенки характера main stream в современной мировой политике.

На фоне дискуссий о «совещательном повороте» (deliberative turn) в развитии демократии и поиске демократической легитимности в рациональной коммуникации, У. Чавес изначально проявил себя как лидер–знаменосец, харизматичный, иррационализирующий процесс политической участия. Он прибегал к дискурсу эмоционально–мобилизационного характера, часто апеллировал к символам, вызывающим образные ряды со всеми присущими им эмоциональными последствиями, причем как в общении со своими сторонниками, так и политическими противниками, широкими массами (отличалась только степень аккумуляции эмоциональности, ее окрашенность). Поэтому, наверное, иногда мало исходить из рациональных соображений, чтобы понимать логику событий, политического процесса времен У. Чавеса – нужно как бы «включаться» в событийный ряд, преисполненный эмоциями и образами, иррациональностью мотивации. (Инаугурационная речь: У. Чавес – 02.02.1999, «Это правда, Венесуэла

ранена в сердце; мы стоим перед входом в гробницу, но, поскольку народ не может умереть, ведь народ – это создание Господа, народ – это глас Господа, по счастливому стечению обстоятельств мы, дорогие соотечественники, даже несмотря на эту огромную катастрофу, являемся свидетелями, переживаем настоящее воскресение. Да, в Венесуэле дуют ветры воскресения, мы встаем из пепла, и я призываю, чтобы мы все объединили наши лучшие помыслы, поскольку пришло время восстать из пепла...», или пример другого рода – на гербе Венесуэлы при Чавесе разворачивают направление бега лошади справа – налево, что должно символизировать общий поворот страны, а учитывая замечание его маленькой дочери, что лошадь поворачивает голову и, поэтому, как бы оглядывается, еще и подправляют фигуру лошади, чтобы она не оглядывалась – страна не обращалась к прошлому). Институциональные основы Венесуэлы в таком иррационально мобилизующем символами сознание ряду воспринимаются как связанные с крушением жизни, преддверием «входа в гробницу», неправильным направлением развития и, поэтому, подлежащими замене и перенастройке. Отметим, что, таким образом, посредством трансформирующих сознание речевых практик, смещается акцент в восприятии политики с рационально формализованных смысловых содержаний на образно–эмоциональные иррациональные прорывы Смысла, а в конечном итоге и институциональная составляющая становится как бы производной от актуальностей такого смыслового идеологического характера, хотя, отдадим должное У. Чавесу, такой подход у него сочетается со всей внимательностью к юридической стороне вопроса, к следованию процедуре. В любом случае, со времени прихода к власти Президента Чавеса в Венесуэле начнутся процессы изменения законодательства, реформирования правил политического процесса. Кстати, в настоящее время Н. Мадуро также пытается обращаться к символическим рядам и эмоциям – одна из таких нитей символического характера призвана связывать его с личностью популярного предшественника. Отсюда – он общался с У. Чавесом, душа которого посещала его однажды, временно вселившись в птичку, отсюда же – и обращение к будущему, в которое Н. Мадуро уже якобы «заглядывал однажды и видел, что оно для Венесуэлы прекрасно». (maduro – исп. зрелый, по–своему символизирует пространство вокруг него и название Президентского дворца Miraflores – Чудесный цветок, фамилия его супруги – Flores, и, может быть даже одна из картин, висящих в кабинете дворца La tempestad – буря).

Еще на фоне массового обнищания населения страны в 90-х гг., У. Чавес активизировал поиск виновных и к их числу были отнесены представители двух правящих партий, погрязшие в бездеятельности и коррупции. Партии объявлялись злом, старая государственная система недееспособной. На волне отрицания старой институциональности У. Чавес инициирует

принятие новой Конституции Венесуэлы (1999), а затем и внесение изменений (2009), согласно которым Президент страны получает большие полномочия и может избираться неограниченное количество раз, Национальная Ассамблея (парламент) из двухпалатной превращается в однопалатную, выборы в нее проводятся на смешанной пропорционально-мажоритарной основе по уникальным правилам (расчет представительства штата и мажоритарных округов 1 депутат от 1.1% населения, 3 представителя коренных народов, а также представители партий – проходят на основе расчетов по системе Д’Ондта). К избирательной кампании со времен Чавеса в Венесуэле активно привлекаются широкие массы населения, причем на всех ее этапах – реклама, проведение и защита ее результатов, как завоеваний. Кроме армии, которая на сегодня насчитывает около 300 тыс. человек, в Венесуэле вооружены и готовы к действию еще около 2 млн. ополченцев, готовившихся в свое время в любой момент стать на защиту революции. Из их рядов набирались так называемые «социалистические патрули», ходившие по домам и призывавшие правильно голосовать, принимавшие участие в помощи гражданам во время проведения голосования. (Сама процедура голосования предполагает использование современных электронных средств идентификации и процедуры – отпечаток пальца – нажатие нужной клавиши). Большая проблема для Венесуэлы на сегодня – это преступность и насилие, и их показатели начали расти в связи с раздачей оружия на руки ополченцам (страна входит в топ-пятерку по преступности в мире).

Относительно проводимой линии в сфере экономической жизни в Венесуэле, длительное время мировая конъюнктура позволяла проведение экспериментов и внедрение широких социальных программ – до 2013 года (2003–2013 гг. называют золотым десятилетием всего региона). Как отмечает В. Я. Гельман: «Экономическая политика Чавеса на фоне беспрецедентно высоких цен на нефть отличалась расширением масштабов государственного интервенционизма, охватывавшего теперь уже не только нефтяной сектор, но и другие отрасли экономики. Национализированы были не только нефтепереработка, но и предприятия энергетики, телекоммуникаций и водоснабжения. Летом 2005 г. в Венесуэле силами национальной гвардии была проведена конфискация частных земельных угодий, отныне объявленных собственностью государства. В конце 2006 г. по инициативе Чавеса были резко расширены масштабы регулирования розничных цен (эта практика началась еще в 2003 г.)» [2, с. 188]. Экономисты начали прогнозировать последствия вмешательства в экономику: дефицит товаров и, прежде всего продуктов питания – что и стало происходить. Национальная Ассамблея ищет способы улучшения ситуации и принимает закон, позволяющий национализацию частных торговых предприятий и конфискацию продуктов питания (поставляются преимущественно

из Колумбии, США, Бразилии, Аргентины). Государственная опека и внимание при Президенте Чавесе, впрочем, и, в меньших масштабах, но все-таки и при Президенте Мадуро также были сориентированы на нужды наиболее беднейших слоев населения (строительство доступного жилья, уменьшение безработицы, реализация образовательных программ, распределение целевых пособий, т.п.) и воплощение проектов общенационального и всеобщего в социальном плане значения (строительство 4-ой линии метрополитена в Каракасе и пригородной линии, создание общенациональных коммуникационных систем, в том числе сети Интернет, запуск космических спутников «Боливар» и «Миранда», Правительство полностью субсидировало «Операцию Чудо» (Operación Milagro), благодаря которой 1,5 млн. венесуэльцев, страдавших катарактой и другими глазными заболеваниями, вновь обрели зрение, т.п.).

Согласно принятому в ООН «коэффициенту Джини» (дающему статистический показатель степени расслоения общества), Венесуэла к 2011 г. вышла на самый низкий уровень дистанции между полюсами обеспеченности в регионе, при одном из самых низких уровней безработицы. «С 2000 по 2012 год уровень бедности в Венесуэле снизился с 44 до 23,9%, в том числе уровень нищеты – с 18 до 9,7%. По сравнению с большинством стран региона наблюдается более равномерное распределение ВВП (индекс Джини составил 0,489 в 1999 г. и 0,397 в 2011 г.)» [6, с. 152]. Президент У. Чавес любил подчеркивать, что социальная справедливость это один из столпов пути развития Венесуэлы. «По сути, новые распределительные коалиции с участием низших слоев сменили прежние распределительные коалиции с участием среднего класса» [2, с. 189].

Безусловно, У. Чавес был популярным лидером Венесуэлы. Раззадоривая оппозицию и всех своих политических оппонентов, он ставил их в условия азартного противостояния, игры, где необходимо было проявлять искусство управления людьми, тактических ходов, неожиданных решений. Но, отметим, что У. Чавес был, прежде всего, склонен к поиску технологий решения задач посредством экспериментирования институционального характера, изменения системных основ существования государства (чего стоит только выделение 5 ветвей власти: исполнительная, законодательная, судебная, гражданская, электоральная), но не поиску технологий процессуальных манипуляций законодательством. Как отмечает Э. С. Дабагян, «Чавес, в отличие от Мадуро, не опасался соперников» [4, с. 26] и не был склонен к проявлению репрессивности по отношению к противникам. Скорее, его понимание путей развития демократии, на наш взгляд, сопоставимо, как ни странно, с пониманием Шанталь Муфф, где именно конфликт и агонизм, а вовсе не консенсус, выступают ее движущими силами. Жизненный путь У. Чавеса заканчивается 5 марта 2013 г. (ровно через 60 лет после смерти Сталина), а вместе с

ним символично уходит в прошлое десятилетие «тучных коров» (благополучия). Наследие Чавеса так велико и неоднозначно, что объективно оценить многие его составляющие можно будет только в будущем, но мы все же обратим внимание, что корни нынешнего кризиса в Венесуэле уходят в годы его правления. Институциональным, политическим, идеологическим и социальным наследием Уго Чавеса сейчас распоряжается его преемник Николас Мадуро.

Н. Мадуро – опытный человек и по–своему искушенный политик. Начиная карьеру водителем автобуса, работал в профсоюзе работников метро на руководящих постах, год учился на Кубе, активный участник «Движение Пятой Республики», партстроительства «Единой социалистической партии Венесуэлы». Длительное время надежный помощник У. Чавеса в делах самого разного свойства – руководство комиссией по подготовке нового Трудового Кодекса, глава Национальной Ассамблеи, Вице–президент Венесуэлы и многое другое. В 1993 г. во время слушаний дела о попытке гос. переворота с участием Чавеса, познакомился с адвокатом Чавеса – Силией Флорес, сыгравшей важную роль в освобождении участников заговора. С тех лет они живут вместе. Силия также занимала ключевые гос. посты – главы Верховного Суда, Национальной Ассамблеи, другие. С 2013 года Николас и Силия вступили в официальный брак, имеют совместного ребенка. Семья отличается достаточно скромным образом жизни.

После победы на президентских выборах, вновь избранный Президент Венесуэлы должен быть, как предписывает ст.231 Конституции Венесуэлы, приведен к присяге 10 января следующего за годом выборов года перед Национальной Ассамблеей, либо, в случае невозможности, перед Верховным Судом. Победивший в избирательной компании 2012 года Чавес, не мог прибыть на церемонию, поскольку уже был тяжело болен и находился на лечении в Кубе. Как минимум, спорное решение о переносе срока инаугурации принимают тогда 2 самых влиятельных человека в стране Н. Мадуро и С. Флорес (она станет супругой Мадуро в 2013 году). Последующая избирательная кампания Н. Мадуро на пост Президента также начинается с поиска уловок юридического характера. На момент смерти Чавеса, Мадуро – Вице–президент Венесуэлы и хотя политическое завещание Чавеса и возлагает бремя ответственности за государство именно на Мадуро, он не может выдвигать свою кандидатуру на пост Президента, т.к. он – должностное лицо, входящее в перечень тех, кто не может баллотироваться по закону. Но Мадуро принимает участие в выборах и побеждает. «Опираясь на всю мощь прекрасно отлаженной государственной машины, представитель правящих кругов Мадуро получил 7 505 338 голосов. Основного конкурента – Энрике Каприлеса – губернатора густонаселенного штата Миранда, выдвинутого объединением Круглый стол демократического единства (Mesa de la Unidad Democrática, MUD) и вторично баллотировавшегося на высшую должность,

поддержали 7 270 403 человека. Разница оказалась микроскопической, в пределах статистической погрешности. Конкуренты потребовали тотального пересчета голосов. Власть поначалу отвергла требование, но позднее согласилась провести частичный аудит. Но, не дожидаясь окончания этой процедуры, Мадуро вступил в должность. Данное обстоятельство породило волну протестов, не спадающую по сей день» [4, с. 24]. Таким образом, с самого начала стал проявляться особенный стиль правления Мадуро, в котором игра на опережение и технологии получения нужного результата при использовании процессуально–сомнительного характера действий занимают видное место. В отличие от Чавеса, Мадуро склонен к подавлению оппонентов (судебные преследования лидеров оппозиции Энрике Каприлеса Радонски, Леопольдо Лопеса), репрессивным мерам, ограничениям свободы слова (к примеру, закрыты телеканал Колумбии и CNN). Другое дело, что он понимает невозможность массовых репрессий и окончательного устранения оппозиции.

Наверное, в какой–то степени Мадуро невезуч. Кризисные явления в мировой экономике и падение цен на нефть пришлось именно на его президентство. В экономической политике он пытается в изменившихся условиях принимать меры по поддержанию беднейших слоев населения, которые и являются опорой его власти. Насколько они удачны в целом – в Венесуэле мы, наверное, услышим разные точки зрения, но скорее всего, оценка будет негативной. В ноябре 2013 года была проведена показательная акция, когда по распоряжению Мадуро были арестованы владельцы сетей магазинов электроприборов. Товары конфискованы и проданы населению по цене 10% от их первоначальной цены. Причиной акции было объявлено умышленное завышение цен торговыми сетями. Сразу же стали покидать страну представители разного бизнеса. За несколько лет ушли с рынка Венесуэлы ряд международных компаний: свернула производство General motors, покинули Венесуэлу AmBew (производство пива), Coca–Cola, McDonald's, Kimberly–Clark, авиаперевозчики Aerolineas Argentinas, Avianca, Aeromexico, Latam, Delta, Lufthansa, Air Canada. приостанавливали полеты испанская Iberia, американская United Airlines и французская Air France. В дальнейшем мероприятия устрашающе–конфискационного характера с участием военных и полиции стали проводиться регулярно (например, когда возник дефицит туалетной бумаги – на фабрике Мапра появились военные для «контроля производства и распространения продукции»). В награду за служение, Мадуро начал назначать военных министрами (11) и замминистрами (10), которые наряду с безопасностью и обороной руководят ключевыми отраслями экономики. Госпредприятиями [6, с. 154]. Так, министр нефтяной промышленности и директор государственной нефтяной компании Petroleos de Venezuela (PDVSA) – генерал–майор Мануэль Кеведо, руководивший подавлением

антиправительственных протестов 2013–2014 гг. Преданность и лояльность, а не квалификация и компетентность стали основными качествами для выдвижений и назначений на ключевые посты. Экономика перешла в режим гос. регулирования и ручного управления.

В сфере собственно политической последние несколько лет четко просматривается конфликт и противостояние разных ценностно-ориентационных подходов, видений перспективы, способов управления государством, правил сосуществования и политической борьбы, понимания общественных запросов и последующей агрегации интересов. Он выражен противостоянием правящей элиты и оппозиции, силы которых примерно равны и ни одна из сторон не может претендовать на вытеснение другой (если речь идет не просто о периферии политического процесса, но и об окончательном выдавливании за рамки системы). За Н. Мадуро – преимущественно военные, бюджетники, беднейшие слои населения. За оппозицией – интеллигенция, бизнес, ориентированная на высокие стандарты западного образа жизни молодежи. Уникальность ситуации именно в том, что страна фактически разделена на 2 примерно равные части противостоящих сторон (во главе 1-ой – Мадуро, 2-ой – оппозиция). Э. С. Дабагян подчеркивает, что: «Стратегический изъян ближайшего окружения президента заключался в том, что оно изначально не пошло на уважительный диалог с представителями системной оппозиции. Вместо этого... представители президента навязывали свою точку зрения, не выслушивали мнение оппозиционеров... Все это создавало напряженность в обществе, конфронтация то стихала, то вспыхивала с новой силой» [4, с. 25].

В 2015 году оппозиция получает абсолютное большинство на выборах в Национальную Ассамблею (парламент) и, исходя из ситуации, инициирует вынесение на всенародное рассмотрение в 2016 году вопроса об отстранении Мадуро от должности (согласно Конституции Венесуэлы, такая процедура может быть начата по истечении более чем половины президентского срока). В свое время через такое «чистилище» проходил У. Чавес. И вот здесь снова стала четко прослеживаться линия Н. Мадуро на техническую нестандартность решений, апробацию технологий удержания власти с вариативной компоновкой и смешанным содержанием процессуально-юридических и админресурсных элементов. Высшая электоральная инстанция меняет схему сбора подписей (теперь он должен проводиться по штатам), затем 2 губернатора заявляют о недействительности подписей. Оппозиция, которая долго не могла объединиться, договаривается о совместных действиях – тут же начинаются преследования властью ее лидера Э. Каприлеса. Оппозиция, в конечном итоге, согласовывает механизм сменяемого поочередного лидера коалиции и парламента, в том числе в случае замены лидера партии по причине репрессий – так

появится фигура нынешнего главы Национальной Ассамблеи и временного Президента Венесуэлы или только главы Национальной Ассамблеи, мы знаем, что пока есть 2 точки зрения на этот счет, Хуана Гуайдо (в зависимости от партийного представительства – крупнейшие партии оппозиции *Mesa de la Unidad Democrática (MUD)*, широкой избирательной коалиции – *Primero Justicia PJ* имеет 33 места в парламенте, *Un Nuevo Tiempo UNT* 18 мест, *Voluntad Popular VP* 14 и т.д. <http://www.unidadvenezuela.org/> – *сайт оппозиции*).

В октябре 2016 года парламент на внеочередной сессии принял заявление, в котором обвинил Мадуро в узурпации власти и призвал армию не подчиняться ему. Тогда же парламентарии предприняли попытку объявить импичмент президенту. Уже в 2017 году, 10 января парламент Венесуэлы проголосовал за отставку Мадуро и объявил его «оставившим свой пост». Однако в тот же день ВС Венесуэлы отменил процедуру импичмента президента, заявив, что она не предусмотрена Конституцией.

30 марта 2017 года Верховный Суд объявляет Национальную ассамблею «вне закона». Согласно решению суда, функции парламента на себя должен взять возьмет либо сам ВС, либо специально созданный орган. После вмешательства ряда зарубежных «наблюдателей и участников событий» Вице-президент Венесуэлы обращается к Верховному Суду с просьбой пересмотреть его решение для сохранения институциональной стабильности и баланса сил. Верховный суд отменяет решение приостановить деятельность парламента, и с разъяснениями выступает глава ВС Майкл Морено, главный тезис которых – постановление суда «не лишило парламент своих обязанностей».

Кульминация событий приближается в связи с заявлением Мадуро 1 мая о созыве Национальной конституционной ассамблеи (Asamblea Nacional Constituyente, ANC) – для внесения кардинальных поправок в Основной закон. Выборы в нее предполагалось проводится по установленным квотам – 23 мая Мадуро обнародовал структуру ANC. Ассамблея должна была состоять из 545 членов. 364 человека намечалось делегировать по территориальному принципу, в том числе 8 представителей индейских народностей. Остальные 181 – от восьми категорий граждан: 9 рабочих, 8 крестьян и рыбаков, 24 студента, 28 пенсионеров, 24 посланцев коммунальных советов, 5 бизнесменов, 5 инвалидов. Муниципиям надлежало наметить по одному делегату, штатам – по два, а муниципалитету Либертадор в Каракасе – по семь [El Universal, 25.V.2017]. Оппозиция 16 июля проводит плебисцит на который приходят 7,6 млн. избирателей 92% из которых на вопрос об их согласии на созыв ANC отвечают отрицательно, а 30 июля власть реализует свой проект – состоялось голосование по созыву ANC, в котором приняли участие 8089320 человек – всего 41,53% избирателей [4, с. 27]. Председателем ANC становится лично преданная Мадуро министр

иностранных дел Дельси Родригес. ANC сразу же берет на себя фактически полномочия парламента, заявляя о необходимости законодательной подготовки к внесению изменений в Основной закон. В сложившейся ситуации парламент по определению (Национальная Ассамблея) признается как таковой большинством стран мирового сообщества, ANC – воспринимается законодательным органом исполнительной властью Венесуэлы, отдельными странами и занявшим практически пропрезидентскую позицию подконтрольным Мадуро Верховным Судом Венесуэлы. Сложившаяся ситуация настолько неординарна и неоднозначна, что нам представляется – формально-юридическая сторона противостояния может быть предметом особого исследования, так как предоставляет богатый и интересный материал. Во всех событиях, не будем забывать и об этом, за спиной у Мадуро поддержка и рука его супруги – Силии, известной как превосходный специалист в области права, а с другой стороны, к примеру, Э. Каприлес Радонски – опытный адвокат, блестящий юрист. 23 января 2018 года Мадуро заявляет о необходимости проведения выборов Президента Венесуэлы раньше положенного срока. Оппозиция не успевает провести праймериз, Верховный Суд запрещает ей выдвигать единого кандидата, т.к. она – объединение партий, а не партия. Оппозиция заявляет о намерении бойкотировать выборы. В её рядах находится человек, который не соглашается с решением всей MUD и выдвигает свою кандидатуру уже от *Avanzada Progresista AP* – Энри Фалькон (Henri José Falcón Fuentes). Н. Мадуро, в свою очередь, выдвигается кандидатом от правящей Единой социалистической партии Венесуэлы – *Partido Socialista Unido de Venezuela, PSUV*.

Выборы прошли 20 мая. На избирательные участки пришли 9 368 035 (46,07%) граждан, обладавших правом голоса. Тем не менее выборы были признаны состоявшимися. Как и ожидали многие авторитетные аналитики, глава государства получил подавляющее большинство голосов – 6 224 040 (67,76%) и, соответственно, право оставаться в занимаемом кресле вплоть до 2025 г. Фалькон набрал 1 909 172 голосов (21,01%) [4, с. 29]. Еще до выборов ряд государств, международных организаций заявляли о своем преимущественно негативном отношении к ситуации с переносом выборов и ущемлением оппозиции – создания условий для реально свободного волеизъявления требовала Межамериканская комиссия по правам человека (La Comisión Interamericana de Derechos Humanos), ставила под сомнение легитимность выборов, с последующим отказом признания их результатов из-за отсутствия прозрачности, «Группа Лимы» («Grupo de Lima» – 12 латиноамериканских стран) и т.д. Противостояние власти и оппозиции сопровождалось акциями протеста, уличными столкновениями, что продолжало ухудшать обстановку в стране, в том числе в связи с десоциализацией части населения, повышением

уровня криминогенности. Возникли сложности с поставками продовольствия, товаров первой необходимости. Предсказуемо ситуация крайне обострилась 10 января 2019 года, в день когда Президент Венесуэлы должен принимать присягу и вступать в должность. Лидер парламентской оппозиции Хуан Гуайдо (его лидерство сложилось ситуативно, в связи с отсутствием более известных политиков-оппозиционеров – партией, которую он возглавляет *Voluntad Popular VP*, к примеру, долгое время руководил Леопольдо Лопес) и, одновременно, глава парламента – согласно принципу ротации, принятому оппозиционным большинством парламента в качестве регулятора общего партийного взаимодействия – заявил публично о «принятии полномочий Национального исполнительного органа в качестве Президента, отвечающего за Венесуэлу, согласно требованиям Конституции для прекращения узурпации власти, создания переходного правительства и организации свободных выборов». (В случае невозможности выполнения обязанностей Президента по ряду причин, которые оговорены нормами ст.233 Конституции Венесуэлы – На время проведения выборов и вступления в должность Президента Республики полномочия Президента Республики возлагаются на Председателя Национальной Ассамблеи). Поскольку обращение Гуайдо было адресовано и к мировой общественности, ряд государств тут же признал его в качестве временного Президента Венесуэлы (США, Канада, Бразилия, Мексика, Колумбия, Великобритания, Испания, Франция и др.), а ряд государств (Китай, Россия, Турция, Боливия, Уругвай, Куба, др.) поддержал легитимность в должности Президента Венесуэлы Н. Мадуро. Стало очевидно, что ситуация окончательно приобрела международный характер и значение, а дело уже не только (а может и не столько) в юридической стороне вопроса, но и в политической – так актуализировался вопрос о возможностях легитимации власти в современном мире, ее центрах и источниках.

2. Региональные параметры конфликта.

Латинская Америка, франкоговорящая составляющая Южной Америки и Карибского моря, страны Карибского бассейна и Южной Америки, что говорят на английском и голландском языках, в т.ч. территории государств с отдаленной территориально-метрополией – это регион со своими неповторимыми особенностями и значительными субрегиональными отличиями. Но, возможно, его разнородность и разнокачественность по разным параметрам – это и фактор, способствующий тому, что некоторые из тенденций развития всего современного мира проявляются здесь на своей максиме и приводят к показательным явлениям относительно характера и сфер «прорывов результативности». Конфликт в Венесуэле вплетен в контексты, в том числе, локально-регионального характера, а некоторые из них касательно перспективы – посредством увеличения степени конфликтности – «проверяют» ходом истории некие конфигурации последствий в событийности

будущего, моделируют вариативности траекторий, фаз, решений и развязок.

Последние десятилетия 20 века в этом регионе были и отражающими (временами может быть наиболее остро) некие явные тенденции, но и, одновременно, формирующими и формирующими внутри региона смысловые, политико-технологические основания будущих перемен, временных «стратегий», модусов развития. Относительно региона, 80-е гг. иногда называют «потерянным десятилетием»: кризисные явления, отсутствие экономического роста, неясность перспектив. К 90-м, на фоне падения СССР, крушения т.наз. «соцлагеря» и скреплявшей его идеологии, любые разговоры о перспективах социализма казались устаревшими, а Куба выглядела обреченной в следовании идее социализма советского типа.

Тем удивительней на общем фоне выглядела Венесуэла – с приходом к власти У. Чавеса, был провозглашен курс на построение «социализма 21 века». Авторитарный дрейф, о котором позже заговорят как о целом явлении [drift] и распространение левой идеологии во всем регионе начинались в этой стране. В той или иной степени, режим Чавеса способствовал (идеологически, политически и экономически) развитию политических режимов в этом направлении в Боливии, Аргентине, Никарагуа, Эквадоре, и т.д.).

Венесуэла в 21 веке очевидно позиционирует себя лидером в проведении курса, пресекающего попытки неолиберализации всего региона и берущего на себя ответственность в демонстрации возможности и преимущественности другого пути развития. Характерная его черта – показательный антиамериканизм и поиск путей сосуществования на межгосударственном уровне вне институтов и механизмов неолиберального характера. На фоне общего процесса «интеграции интеграций» в регионе, когда созданы институты межгосударственного взаимодействия практически всех единиц региона UNASUR, CELAC, OAS (ОАГ, где представлены даже англоговорящие государства Северной Америки – США и Канада), Венесуэла – инициатор и лидер объединения ALBA (Боливарианский альянс для народов нашей Америки, исп. Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, **ALBA**), аббревиатура которого снова отсылает нас к символизирующим реальность речевым практикам: исп. alba – рассвет, и это Nuestra América – *Наша Америка*. Куба, Боливия, Никарагуа и др. участники объединения – символически значимые участники и идейно близкие теории социализма 21 века как альтернативному пути развития. Содержательная разноориентированность относительно моделей развития среди представителей региона сказывается во многих отношениях – организации правил взаимодействия мультилатерального характера, его правовых оснований, функциональных особенностей.

Напомним, что именно сокрушительный экономический кризис 2001 года в Аргентине

стал показательным для всего мира относительно сложностей развития на основе неолиберальных подходов. Мир начал извлекать разные уроки как экономического характера, так и по части траекторий политического развития, интеграционной архитектуры, в том числе регионального уровня. В последующие годы Венесуэла оказалась ориентиром и объединяющим звеном группы стран, следующей одной из стратегий развития. Показательна в этом смысле сложившаяся к настоящему времени картина взаимодействия на уровне региона. По замечанию П. П. Яковлева, из всего значительного числа самых разных интеграционных образований «В агрегированном плане можно выделить три основные модели интеграции, различия между которыми определяются, главным образом, ролью государства и степенью готовности к открытому хозяйственному взаимодействию с внешним миром. Первая модель представлена NAFTA и AP, в известной мере продолжающими неолиберальный рыночный тренд в экономической стратегии. На противоположном фланге сформировалась вторая модель, олицетворяемая группировкой ALBA, объединяющей страны–противники неолиберализма и глобализации по правилам «Вашингтонского консенсуса». И, наконец, третья модель являет собой промежуточный вариант интеграционного блока и материализовалась в MERCOSUR, члены которого в целом отошли от неолиберальных догм, но в большинстве случаев изначально не были склонны излишне политизировать процесс хозяйственного сближения» [10, с. 93]. В каком–то смысле в регионе жестко столкнулись модели развития – ориентированная на демократический политический процесс и неолиберальный подход со всеми сопутствующими требованиями (открытых, свободных рынков, четко прописанных относительно этого юридических норм и правил, т.п.) и другая – исходящая из необходимости госрегулирования со всегда не очевидными, ситуативными, политически заданными и т.д. правилами взаимодействия участников процесса.

В связи с тем, что в регионе сейчас наблюдается некоторый откат от дрейфа в сторону авторитаризма и левой идеологии в сторону экономического прагматизма, нынешние трудности Венесуэлы, как одного лидеров этого дрейфа выглядят показательными для всего региона. Кризис в Венесуэле – это еще и максима конфликта моделей развития и становление перспективы. Несмотря на ресурсные возможности региона, интеграционные усилия «внутрирегиональная торговля стран Латинской Америки занимала в их совокупном внешнеторговом обороте всего 19,2%, тогда как так называемый интеграционный порог составляет не менее 25%. ...аналогичный показатель у членов Ассоциации государств Юго–Восточной Азии (Association of South East Asian Nations, ASEAN) достигал 49,8%, а для участников Евросоюза – 59,1%» [10, с. 93].

3. Общемировые измерения конфликта.

Очевидно, что трудности Венесуэлы были порождены и рядом факторов масштаба и

значимости общемировой, отражают на сегодня знаковые для мира явления. Проблемы сегодняшней Венесуэлы – это не только, а может быть, уже и не столько проблемы Венесуэлы. Дело в меняющемся мире, характере нынешних конфликтов и способах его разрешения, т.е., казалось бы, частный кризис в Венесуэле носит системный характер и технология его преодоления в современном информационно открытом и взаимосвязанном на всех уровнях мире может иметь важный прецедентный характер (конфронтационный сценарий с участием всех заинтересованных сторон чреват всеобщей катастрофой). Сосуществование в Венесуэле одновременно двух Президентов – Н. Мадуро и Х. Гуайдо (пусть и временного) – актуализировало проблему легитимации власти, «утяжелило» весомость внешнего фактора, вывела ее на международный уровень и разделила членов мирового сообщества на 2 лагеря. Международное право, как оказалось, не работает в этой ситуации, нет единства и консолидированной позиции в международных организациях, которые занимаются вопросом – ООН, ЕС, ОАГ, других. Мы уже вспоминали о «Группе Лимы», сообщество стран региона, которое создано именно для координации усилий и помощи в урегулировании конфликта (25.02.2019 собирается в связи с эскалацией конфликта, разрыва дипломатических отношений Венесуэлы с Колумбией). Между конфликтующими сторонами посредничает даже Папа Римский. В. Ю. Карасев подчеркивает, что в этой ситуации возросла роль вопроса о легитимационных центрах в современном мире [Вадим Карасев на 112, 30.01.2019 <https://112.ua/politika/vecherniy-praym-30012019-478827.html>], распределении возможностей воздействия и последующих за политическими правовых решениях. Кроме международных организаций и объединений (здесь выделим ЕС с лидирующей позицией Германии), на роль таких центров легитимации сейчас претендуют США, Китай, Россия, Турция. На какой основе происходит осознание интересов и последующий выбор позиции в ситуации относительно Венесуэлы и что служит причиной для обозначения своей особенной роли?

Если говорить об отдельных государствах, подчеркивающих свою роль в разрешении конфликта и заявляющих о своем легитимационном потенциале, то США выступает в роли проводника и защитника демократии, в ее соотнесении с неолиберальными ценностями, правовыми механизмами, правилами политического процесса. Китай, Россия, Турция настаивают на законности президентства Н. Мадуро без выраженной идеологически приверженности идеям «социализма 21 века», но некоей долей антиамериканизма (и 1-ое и 2-ое характерно для Венесуэлы Чавеса и Мадуро, а также объединения ALBA), что отражает настаивание на возможности альтернативы развития. В риторике и действиях официальных лиц этих государств представлен некий прагматизм, связанный с отстаиванием

своих национальных интересов экономического, военно-стратегического, имиджевого характера.

В регионе уже несколько лет проявляется скрытое, но крайне напряженное противостояние между США и Китаем относительно торгово-экономических отношений, приоритетности взаимовыгодного присутствия и зон влияния, потенциала в легитимации, создании и урегулировании конфликтности. Еще во времена президентства Барака Обамы США принимали активное участие в привлечение Мексики к созданию Тихоокеанского Альянса (*Alianza del Pacifico*), ориентированного на координацию усилий в торговле, в который, кроме Мексики, вошли Колумбия, Перу и Чили, а позже подключилась Коста-Рика. Целью являлось ограничение влияния Китая в ключевых торговых центрах на Тихоокеанском побережье и организация конкурентных отношений на пути стратегического сотрудничества Китая с мощным торговым партнером в регионе – Бразилией, и также 3-мя крупнейшими производителями с/х продукции – Аргентиной, Парагваем и Уругваем.

Венесуэла как страна с колоссальными ресурсами (нефть, газ, золото и т.д.) – центр пересечения торгово-экономических интересов, снова – таки, США и Китая, а также России, Кубы, других стран. Нефть, добываемая в Венесуэле, необходима США (должны быть загружены предприятия по переработке густой или «тяжелой» нефти), крайне необходима для потребления и использования в разных производствах Китая, жизненно необходима для выживания Кубе и интересна в реализации доходного бизнеса России (правда, даже российские специалисты отмечают, что прибыльность – это, скорее, дело перспектив). Как будет решаться вопрос с соблюдением экономического интереса группы государств-заинтересованных лиц, наверное, зависит от возможностей переговорного характера и фактора присутствия силы. Возможно, вопрос о стене с Мексикой, так остро стоящий во внутренней политике США – один из просчитываемых вариантов развития событий в регионе и сценариев страховки от ухудшения ситуации в Венесуэле и последующей миграции больших групп людей из Венесуэлы в сторону США через страны Центральной Америки, Мексику.

Насколько можно судить относительно военно-стратегических аспектов, Китай по-прежнему воздерживается от участия напрямую в формировании баланса сил и в какой-либо представленности своих вооруженных формирований, специалистов. Большие возможности влияния на ситуацию в этом смысле, прежде всего у США, тем более учитывая поддержку соседей Венесуэлы – Бразилии и Колумбии. Активный участник событий Куба (около 20 тыс. военных в личной охране Мадуро и в местах наибольшей концентрации всеобщих интересов). Позиция России выглядит, скорее, сдержанно-прагматичной (охрана месторождений нефти и имущества РФ на территории Венесуэлы),

но и с посылами геополитического характера – демонстрация возможности увеличения военного присутствия и прямой угрозы безопасности США. Особенная позиция Турции по Венесуэле – это, предположительно, акция имиджевого характера, возвращающая Турции, с точки зрения руководства этой страны, роль одного из лидеров в современной, не только региональной, но и мировой политике.

Такой разнородной позиций, в том числе в вопросах легитимации власти, есть свидетельством общемирового состояния дел, ситуации в которой поставлены под вопрос системные параметры мирного сосуществования и взаимодействия с частичным признанием «пазловости» современного мира (Мюнхенская конференция по безопасности 15–17 февраля 2019) и пониманием ослабления роли международного права как единственного инструмента, общего знаменателя решения конфликтов современности.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. На наш взгляд, кризис в Венесуэле носит многоуровневый и показательный относительно сценариев развития характер. Его уровни: национально–государственный, региональный, мировой. Содержательно он выражает ценностно–ориентационные противоречия, исходит из разного видения приоритетов развития. Характерны и его технологически–функциональные составляющие, которые проявляют конфликт системности, уязвимости институциональности с выраженным правовым измерением – использование ресурсов и материального и процессуального права, с отношением к праву как к механизму поиска преимуществ в политической борьбе – и политическим измерением – неэффективность политической системы, неспособность политических акторов к продуктивному, результативному взаимодействию и формированию ответственной общенациональной стратегии политики, развития. Этот кризис – это еще и современный кризис консенсусности и апробации конфронтационных сценариев с новыми технологиями борьбы – привлечение потенциала сетевого взаимодействия, использование в своих целях средств массовой информации с целью эмоционализации процесса, мифологизации событий, массового thought contagion относительно нацеленности на действие и образования в конечном итоге «параллельных реальностей». Проведение массовых уличных акций, допускающих, в том числе, проявления насилия, нарушения законодательства. Как отдельная проблема – проявление запроса на характер народного противостояния власти в случае невыполнения ею предписанных правом правил и обязательств или же полной узурпации власти и игнорирования воли народа. Обращение к внешним инстанциям и апелляции к мировому сообществу, международным организациям, отдельным странам с использованием разных средств представленности сути конфликта, информационных составляющих для получения необходимого стороне результата.

Заметим также, что в связи с развитием событий в Венесуэле, актуализировался и комплекс вопросов, связанных с пониманием взаимосвязи либерализма и демократии, путей представленности популизма в современном мире. Новые ракурсы проблематики – не является ли популизм чуть ли не неизбежным явлением на стадии трансформаций либерализма в неолиберализм на локально–государственном уровне, но с заявкой на общемировую тренд, о чем предположил на семинаре по правам человека 31.01.2019 Yasha Mounk (<https://law.yale.edu/yls-today/news/yascha-mounk-explains-threat-populism>).

Эти и другие аспекты научной проблематики в связи с развитием ситуации в Венесуэле представляются нам предметной плоскостью для дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. Булавин, В., Дабагян, Э., Семенов, В., 2002. 'Венесуэла в поисках альтернативы', М.: *Институт Латинской Америки РАН*, 548 с. // Bulavin, V., Dabagian, Je., Semenov, V., 2002. 'Venesujela v poiskah al'ternativy (Venezuela in search of alternatives)', М.: *Institut Latinskoj Ameriki RAN*, 548 s.
2. Гельман, ВЯ., 2010. 'Венесуэла и Мексика: нефть, авторитаризм и популизм', *Нефть, газ, трансформации общества*, СПб.: *Экономическая школа*, с.165–220. // Gel'man, VJa., 2010. 'Venesujela i Meksika: neft', avtoritarizm i populizm (Venezuela and Mexico: oil, authoritarianism and populism)', *Neft', gaz, transformacii obshhestva*, SPb.: *Jekonomicheskaja shkola*, s.165–220.
3. Дабагян, ЭС., 2005. 'Государства – сколько необходимо, рынка – сколько возможно (идеология боливаријцев)', *Латинская Америка*, №11, с.18–34. // Dabagian, JeS., 2005. 'Gosudarstva – skol'ko neobhodimo, rynka – skol'ko vozmozhno (ideologija bolivarijcev) (States – how much is needed, the market – how much is possible (the ideology of the Bolivarians))', *Latinskaja Amerika*, №11, s.18–34.
4. Дабагян, ЭС., 2018. 'Николас Мадуро остается на вершине власти', *Латинская Америка*, №8, с.23–31. // Dabagian, JeS., 2018. 'Nikolas Maduro ostaetsja na vershine vlasti (Nicolas Maduro stays on top of power)', *Latinskaja Amerika*, №8, s.23–31.
5. Зозуляк, Зоя, 2015. 'Сучасний стан та чинники розвитку латиноамериканського мультилатералізму', *Вісник Львівського університету. Серія міжнародні відносини*, Вип.37, Ч.3, с.149–158. // Zozuljak, Zoya, 2015. 'Suchasnyj stan ta chynnyky rozvytku latynoamerykans'kogo mul'tylateralizmu (The current state and factors of the development of Latin American multi–territoriality)', *Visnyk L'vivs'kogo universytetu. Serija mizhnarodni vidnosyny*, Vyp.37, Ch.3, s.149–158.
6. Ивановский, ЗВ., 2015. 'Венесуэла: внеочередные президентские выборы 2013 и их политические последствия', *Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама*, Отв. ред. З. В. Ивановский, с.150–167, М.: *ИЛА РАН*, 274 с. // Ivanovskij, ZV., 2015. 'Venesujela: vneocherednye prezidentskie vybory 2013 i ih politicheskie posledstvija (Venezuela: extraordinary presidential elections in 2013 and their political implications)', *Latinskaja Amerika: izbiratel'nye processy i politicheskaja panorama*, Отв. ред. З. В. Ивановский, с.150–167, М.: *ИЛА РАН*, 274 s.
7. Кириченко, ВП., Тумасов, Ю., 2002. 'Політичні партії в системі влади і владних структур країн Латинської Америки і Карибського басейну', *Науковий вісник дипломатичної академії України*, Вип.6, с.110–129. // Kyrychenko, VP., Tumasov, JU., 2002. 'Politychni partii v systemi vlady i vladnyh struktur kraj'n Latyns'koi' Ameryky i Karybs'kogo basejnu (Political parties in the system of power and power structures of the countries of Latin America and the Caribbean)', *Naukovyj visnyk dyplomatychnoi akademii' Ukrainy*, Vyp.6, s.110–129.
8. Кораллес, Х., 2006. 'Диктатор нового типа', *Pro et Contra*, T.10, №1, с.74–83. // Koralles, H., 2006. 'Diktator novogo tipa (New Dictator)', *Pro et Contra*, T.10, №1, s.74–83.

9. Хантингтон, С., 2003. 'Третья волна. Демократизация в конце XX века', М.: РОССПЭН, 368 с. // Hantington, S., 2003. 'Tret'ja volna. Demokratizacija v konce XX veka (The third wave. Democratization at the end of the 20th century)', М.: ROSSPJeN, 368 s.

10. Яковлев, ПП., 2017. 'Интеграция в Латинской Америке: центристские и центробежные тренды', *Контуры глобальных трансформаций*, Т.10, №4. с.85–100. // Jakovlev, PP., 2017. 'Integracija v Latinskoj Amerike: centrostremitel'nye i centrobezhnye trendy (Integration in Latin America: centripetal and centrifugal trends)', *Kontury global'nyh transformacij*, Т.10, №4. s.85–100.

11. Arnsen, C. 2009. 'La «Nueva Izquierda» en América Latina: Derechos Humanos, Participación Política, y Sociedad Civil', Washington D.C.: *The Woodrow Wilson International Center for Scholars*, 288 p.

12. Barabash, Oleh. 2014. 'Symbols and Law: The «Matrix» of approaches in processes of denotation in search of Presence', *Evropsky politicky a pravni diskurz. <European political and law discourse>* Ceska Republika, Brno: *Jizni Palmira, druzstvo*, №6, c.69–95.

13. Cedeño, Elsa, 2012. 'El socialismo del siglo XXI en Venezuela o la implementación de una nueva gobernabilidad popular tanto a nivel nacional como local', *Actas del Congreso Internacional «América Latina: La autonomía de una región»*, organizado por el Consejo Español de Estudios Iberoamericanos (CEEIB) y la Facultad de Ciencias Políticas y Sociología de la Universidad Complutense de Madrid (UCM), celebrado en Madrid el 29 y 30 de noviembre de p.528–533.

14. Lissidini, A. 2015. 'Democracia directa en América Latina: avances, contradicciones y desafíos', *Nueva Sociedad*, No.258, p.121–189.

15. Levitsky, Steven and Loxton, James, 2013. 'Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes', *Democratization*, Vol.20, No.1, 107–136. <http://dx.doi.org/10.1080/13510347.2013.738864>

16. Mouffe Chantal. 'Populists are on the rise but this can be a moment for progressive too', *Guardian*, 10 September 2018. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/sep/10/populists-rise-progressives-radical-right>.

17. Narvaja de Arnoux, Elvira, 2008. 'El discurso latinoamericano de Hugo Chavez', 1ªed. Buenos Aires: *Biblos*, 173 p.

18. Panizza, F., 2009. 'Introducción. El populismo como espejo de la democracia', Buenos Aires, *Fondo de Cultura Económica*, p.9–49.

19. Urbinati, Nadia. 'Democracy and Populism', *Constellations* 5, no.1 (2008): 110–124. <https://doi.org/10.1111/1467-8675.00080>.

20. Weyland, Kurt, 2013. 'Latin America's Authoritarian Drift: The Threat from The Populist Left', *Journal of Democracy*, Volume 24, Number 3, July, p.18–32.

21. Weyland, K., 2002. 'The Politics of Market Reform in Fragile Democracies. Argentina, Brazil, Peru, and Venezuela', Princeton and Oxford: *Princeton Univ. Press*, 335 p.

22. Freedom House, «Freedom in the World 2018: Democracy in Crisis», 2018. <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2018>.

23. 'Constitución de la República Bolivariana de Venezuela'. http://www.mppp.gob.ve/wp-content/uploads/2014/01/LeyesOrganicas/GO-36860_constitucion.pdf

Consejo Nacional Electoral: <http://www.cne.gob.ve/web/documentos/estadisticas/>

Asamblea Nacional: Consulta de artículos de la Constitución de la República Bolivariana de Venezuela, <http://www.asambleanacional.gob.ve/>

Instituto de Desarrollo de la Pequeña y Mediana Industria, <http://www.inapymi.gob.ve/documentos/>

* * *